

МОИ ГЕРОИ НАБЛЮДАЮТ ЗА МНОЙ

Вел Москва - 2001 - 17 ден
с. 6.

Екатерина БАРАБАШ

Кто-то назвал Светлану Дружинину последним романтиком российского кино. Вряд ли это точное определение, но после Дружининой нашу российскую историю так, как сделала это она в «Гардемариных», не романтизировал, пожалуй, никто. Тогда Светлана Сергеевна влюбилась в XVIII век и в знак этой любви ныне затеяла огромный, почти что немислимый при нынешнем безденежье российского кино проект — 25-серийный исторический фильм «Тайны дворцовых переворотов». До того как стать режиссером, Дружинина побывала и балериной (училась в одном классе с Марисом Лиловой и Натальей Касаткиной), и актрисой (особенно прославилась ролями в фильмах «Дело было в Пенькове» и «Девчата»), и писателем. Была первой (!) ведущей, на пару с Михаилом Державиным, КВН.

— Светлана Сергеевна, как получилось, что вы решительно меняли профессию за профессией?

— Не могу сказать, что это было совсем уж умывленно. Все переходы были скорее продиктованы некими внешними причинами. Что касается профессии балерины, то она уже была у меня в руках, оставалось только защитить диплом. И вдруг — травма. Потом была актрисой.

— Причем удачливой. И вдруг все бросили и ушли в режиссуру.

— Профессия артиста очень зависимая, я бы даже сказала — оскорбительная. Звездам в этом смысле проще. Но чтобы достичь

по-настоящему звездного часа, порой через такое надо пройти! Я не захотела. Интриговать я не умею, подлостями не занималась.

— Вы хотите сказать, что режиссеру не надо интриговать, работать локтями?

— Наверное, иногда и надо. Просто я никогда этого не делала. К тому же я сразу оказалась в несколько иной ситуации, чем многие мои коллеги по режиссуре. Я взялась за самый заброшенный тогда участок нашего кино — за музыкальные фильмы. Многие мужчины, которые брались за музыкальное кино, поначалу думали, что это так просто, весело, красиво — все поют, танцуют, ножки задирают. А потом выскакивали, как из кипящего котла. Можно по пальцам пересчитать, кто у нас этим занимался. — Квинихидзе, Нечаев, Юнгвальд-Хилькевич, Титов. Все. А на «Мосфильме» — только я.

— Все-таки в советские времена женщине-режиссеру пробиться было непросто. Характер у вас, судя по всему, боевой.

— Самое сложное было пробиться в штат «Мосфильма». Никого не принимали. Тогдашний директор студии Сурин взял своего сына, режиссера Сашу Сурина. И таким образом штат закрыл. А в то время Юлия Солнцева, вдова Довженко, снимала ленту «Золотые ворота» и пригласила меня к себе вторым режиссером. Она тогда первая сказала: «Настаивайте, чтобы вас взяли в штат. Иначе будет очень трудно».

— В числе ваших профессий мы упомянули писательскую. У вас был удачный прозаический опыт, и даже строгий Шкловский тепло отозвался о вашем дебюте.

— Действительно, писала. У меня даже была премия за лучший рассказ года. Он назывался «В Грузии все голубое».

— Сейчас грузины наверняка обиделись бы за такое название.

— Ой, правда! Но тогда кто об этом думал?

— С чего у вас началось увлечение историей?

— Не знаю, называть ли это увлечением. Историю я обожаю. Я обожаю музеи, когда там, кроме меня, никого нет. Слава богу, нам разрешают снимать в музеях — в Кусково, в Петергофе. В основном это происходит белыми ночами. Расходятся посетители, вокруг тишина, и на аллеях появляются Долгорукий, Остерман, Петр II с молодой женой.

— Я смотрю, у вас на столе и Сергей Соловьев, и беллетристика. Вам для работы ближе все-таки серьезные исследования?

— Ну конечно. Я просто мистически бережно отношусь к материалу и к тем людям, о которых снимаю. Мне даже иногда кажется, что эти люди видят все, что я делаю, что они наблюдают за мной. Мы пишем сценарий «Тайн дворцовых переворотов» совместно с Павлом Финном. Он в основном тянет историческую канву, а я как женщина все воспринимаю эмоционально. Я люблю своих героев, проживаю с ними всю их жизнь и стараюсь

Путь в режиссуру знаменитого постановщика «Гардемаринов» Светланы Дружининой начался с... балетной травмы

чисто по-женски вдохнуть в них характер, человеческое естество.

— И на какой же стадии сейчас ваш проект?

— Сейчас мы готовим перезапись четвертого фильма — «Падение Голиафа», то есть падение Меншикова.

— Вы, смотрю, сами сидите в студии звукозаписи, сами занимаетесь монтажом...

— Это неправильно, конечно. Никита Михалков, например, сам не монтирует, отдает другим людям. А я вот все сама делаю.

— А кто снимается в «Тайнах...»?

— Замечательные актеры! У нас получается такая полифоническая композиция. В первых сериях они появляются крупными планами, говорят по одной-две фразы, потом партия разрастается, каждый выходит на авансцену, «поет» свою арию, затем уходит и опять сливается с хором.

Меншикова блестяще играет Сергей Шакуров. Кстати, Александр Данилыч оставил кучу денег за рубежом, они же с Петром играли на бирже и проводили потрясающие операции. Когда Анна Иоанновна об этом узнала, она попросила детей Меншикова вернуться, и тем самым Россия получила огромные средства. Вообще Меншиков — фигура загадочная, а то, что нам поведал Алексей Толстой (начитавшись Мережковского), — вымысел. Не был он никаким пирожником.

— Давайте немного отойдем от истории. Скажите, вас никогда не пытались втянуть в свои ряды феминистки?

— Еще как пытались. Но у них ничего не получилось. Чтобы быть феминисткой, очевидно, надо иметь мужской характер. А у меня характер абсолютно бабский. Я женщина до мозга костей. Я люблю мужчин, они мне нравятся — а как иначе?

— Мужчин-то любите, а с одним мужем живете неприлично даже сказать сколько лет. И муж ваш, оператор Анатолий Мукасей, — куда какой интересный мужчина.

— Бабы всегда его обожали. И он их тоже. Он обаятельный, кокетливый, великолепно снимал женщин. Но мы всю жизнь очень доверяем друг другу. Пококетничать — ради бога. Если мой муж не нравится другим женщинам, странно — почему он нравится мне? Ну приходилось ревновать.

А как без этого? Но все равно каждый из нас всегда знал какую-то черту. Масса случаев было, когда то ему про меня, то мне про него что-нибудь рассказывали. Я всегда к этому спокойно относилась. Однажды, например, разнесся слух, что у меня роман. Тут же подсуетились друзья — давай, мол, мы морду набьем тому, кто этот слух пустил. Я сказала: «Не надо. Представляете, если про меня, пятидесятилетнюю бабу на костылях (а у меня тогда нога была сломана) и с огромным инфильтратом на ягодице из-за уколов, говорят, что я могу уложить в койку молодого красавца, — это ж какой комплимент для меня!»

— И все-таки согласно расхожему мнению о феминистках вы должны отвечать трем требованиям: курить, как паровоз, лихо водить машину и держать мужа под каблучком.

— Курила я много лет. Причем начала еще по молодости, чтобы похудеть. Потом это вошло в привычку. Но 13 мая 1996 года я в одночасье бросила курить. Была очень трудная сцена на «Гардемариных» — драка восемнадцати мужиков. Представляете, что такое 13 мая — сразу после сплошных майских праздников, все с похмелья, соображают плохо. Я сказала: «Если вы сыграете эту сцену, я тут же, у вас на глазах бросаю курить». И все.

— Зато машину водите?

— Увы! Есть права, добытые честным образом, не купленные. И я водела. Но муж как-то сказал: «Если хочешь, чтобы я прожил подольше, бросай водить. Ты бы только видела себя со стороны — ты беседуешь со всеми соседними водителями, с кем-то ссориться, кому-то даешь советы, кого-то хвалишь. И никакая дорога для тебя не существует».

— Ваш сын, Михаил Мукасей, как и муж, тоже пошел по операторской стезе.

— Он очень талантливый человек. И, по-моему, ему уже тесно в этих рамках. Ведь оператор — тоже достаточно зависимая профессия. Он сам чувствует, что уже перерос операторство. Я его периодически провоцирую — может, мол, тебе у меня поработать. Но на моих картинах уже работает старший Мукасей, а они оба лидеры по натуре. Как два «шефа» могут поделить площадку?